Воспринимаемая дискриминация, религиозность и психическое здоровье афганских беженцев в России¹

С.С. Заремба-Пайк^{1а}, З.Х. Лепшокова^{1б}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4635>, e-mail: svetlanka.ms@gmail.com

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Резюме: В статье представлены результаты анализа взаимосвязи между воспринимаемой дискриминацией, религиозностью и дистрессом среди афганских беженцев, проживающих в России. В исследовании приняли участие 96 респондентов: 54 мужчины и 42 женщины в возрасте от 18 до 55 лет. Для определения уровня дистресса использовался Афганский чек-лист симптомов дистресса, разработанный специально для афганской выборки, ASCL (Miller, et al., 2006). Для измерения воспринимаемой дискриминации использовалась шкала, взятая из опросника MIRIPS (Berry, 2017), степень религиозности оценивалась шкалой центральности религиозности CRS (Huber, Huber, 2012). Анализ результатов исследования подтвердил нашу гипотезу о том, что чем выше дискриминация, тем выше уровень психологического дистресса. Также исследование выявило, что положительная связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом ослабляется при высоком уровне религиозности и усиливается при низком уровне религиозности. Это свидетельствует о том, что для афганских беженцев, проживающих в России и принявших участие в исследовании, приверженность своей религии выступает в качестве буфера, помогающего противостоять дискриминации и дистрессу.

Ключевые слова: дискриминация; религиозность; дистресс; психическое здоровье; беженцы; афганцы; Россия

Для цитирования: Заремба-Пайк С.С., Лепшокова З.Х. Воспринимаемая дискриминация, религиозность и психическое здоровье афганских беженцев в России. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):175-200 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарности: авторы статьи благодарят комитет «Гражданское содействие» и его сотрудников, а также центр диаспоры Афганистана за помощь в проведении опроса и во взаимодействии с респондентами. Особая благодарность Ферозу Мохаммаду Фахиму и Рогозиной Лайле Сайдиновне из «Гражданского содействия» и Рохсар Латифе и Фаизе Хашими из «Центра диаспоры Афганистана». Благодарим переводчиков и исследователей, помогавших адаптировать опросники на дари: Рахимиана Сеперхдаду, Джавада Хафизулла, Гулам Таманну и Рашиди Наргис, а также доктора Томаса Юрчика за полезные комментарии к исследованию и обратную связь.

Perceived discrimination, religiosity and mental health of Afghan refugees in Russia²

S.S. Zaremba-Pike^{1a}, Z.Kh. Lepshokova^{1b}

¹Higher School of Economics National Research University, Moscow, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6993-4635>, e-mail: svetlanka.ms@gmail.com

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3387-8242>, e-mail: taimiris@yandex.ru

Abstract: This paper presents the analysis of relationships between perceived discrimination, religiosity and psychological distress of Afghan refugees living in Russia. The study included 96 respondents: 54 men and 42 women, aged 18-55 years. To determine the level of distress, Afghan Distress Symptom Checklist (ASCL), specifically developed for the Afghan sample, was used (Miller, et al., 2006). To measure perceived discrimination, we used a scale from the MIRIPS questionnaire (Berry, 2017). The degree of religiosity is assessed according to the Centrality of Religiosity Scale (CRS) (Huber, Huber, 2012). Analysis of the research results confirm our hypothesis that the higher the perceived discrimination, the higher the level of psychological distress. The study also proves that the positive relationship between perceived discrimination and distress is weakened with a higher level of religiosity displayed and just the opposite, such relationships get stronger when the level of religiosity is low. This suggests that for Afghan refugees-respondents living in Russia, adherence to their religion acts as a buffer against discrimination and distress.

Keywords: discrimination; religiosity; distress; mental health; refugees; Afghans; Russia

For citation: Zaremba-Pike S.S., Lepshokova Z.Kh. Perceived discrimination, religiosity and mental health of Afghan refugees in Russia. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(1):175-200 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200

² This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Acknowledgments: The authors are grateful to the «Civic Assistance» committee and its employees and to the Afghan diaspora center for assisting in conducting the survey. Special thanks to Feroz Mohammad Fakhim and Rogozina Laila Saydinovna from «Civic Assistance Committee» and to Rokhsar Latifa and Fayiza Hashimi from Afghan Diaspora Center. We also thank the translators and researchers who helped adapt the questionnaires to Dari: Sepehrdad Rahimian, Hafizullah Javad, Tamanna Gulam and Nargis Rashidy as well as Dr. Tomas Jurcik for useful comments and constructive feedback during the study.

Введение

Согласно отчету Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, на конец 2019 года в мире насчитывалось 79,5 миллиона вынужденных переселенцев, в том числе 26 миллионов беженцев. Численность беженцев в мире выросла с 2,4 миллиона в 1975 году до 14,9 миллиона в 1990 году и до 26 миллионов человек в 2019 году [1]. Население Афганистана находится в состоянии военного положения и переживает связанные с войной бедствия уже более четырех десятилетий [2]. На сегодняшний день беженцы из Афганистана занимают второе место по численности беженцев в мире [3].

Похожая ситуация наблюдается и в России, где афганцы составляют самую большую группу беженцев [4]. Общая численность этнических афганцев в России – около 100-150 тысяч человек [5], очень разнообразных с точки зрения образования и социально-экономического и политического статуса.

Афганистан населяют порядка 38 миллионов человек [6], из которых 99% исповедует ислам: 85% – ислам суннитского толка и 14 % – ислам шиитского толка [7]. Государственными языками признаны дари и пушту [8]. В регионах, где проживают другие этнические меньшинства наряду с дари и пушту, установлен третий официальный язык [8]. Так как дари является наиболее распространенным языком в Афганистане, а также языком межэтнического взаимодействия, в рамках настоящего исследования опрос проводился на нем.

Поток афганских беженцев в Россию начался в 1990-х годах и частично объясняется дружескими отношениями между бывшим Советским Союзом и руководством Афганистана в то время [5]. В 1992 году просоветский режим Наджибуллы пал и в Афганистане началась гражданская война [9]. Борьба за политическое лидерство вышла далеко за рамки политики и переросла в войну, в которой пострадали миллионы мирных жителей [9]. Многие афганцы решили покинуть страну. Те, кто выбрал Россию в качестве страны пере-

селения, либо каким-то образом были связаны с Россией (например, получили высшее образование в России, а значит, могли объясняться по-русски), либо были приверженцами старого режима и не соглашались с новыми политическими силами, пытавшимися прийти к власти в родном Афганистане [5]. В поисках убежища переселенцы надеялись заручиться поддержкой российского правительства, что в тот момент было невозможно, поскольку сама страна находилась в стадии «перестройки» и не была в состоянии отвечать на дополнительные запросы. Вынужденным афганским мигрантам, лидеры которых создали в России некоммерческую организацию, пришлось устраивать свою жизнь самостоятельно [10].

Закон защищает вынужденных мигрантов с официальным статусом беженца [12], однако из-за значительных трудностей в получении свидетельства о предоставлении временного убежища или статуса беженца [11] мигранты, ищущие убежище в России, попадают в тупиковое положение: возникают проблемы с легализацией, что, в свою очередь, создает трудности с получением легальной работы, доступом к бесплатной медицине, к образованию и ведет к высокой уязвимости, связанной с незаконной эксплуатацией [11]. Так, некоторые семьи годами живут в условиях высокой степени неопределенности и находятся в крайне стрессовых условиях, то есть в ситуации дистресса (деструктивного для психики стресса). Кроме того, беженцы и мигранты часто подвергаются бытовой дискриминации и ксенофобии в России [13; 14; 15].

Мигранты в России сталкиваются с дискриминацией при решении многих жизненных вопросов: аренда жилья, поиск работы, обучение детей в школе и т.п. [13; 14]. В конечном счете все это приводит к повышению уровня воспринимаемой дискриминации, которая, в свою очередь, в значительной степени влияет на психологическое и физиологическое благополучие и без того уязвимой группы населения [15; 16]. Дискриминация может сильно повлиять на психическое здоровье беженцев, увеличивая риск возникновения таких проблем, как депрессия [17], генерализованное тревожное расстройство [18], психологический стресс [19] или даже психоз [20]. Подобного рода результаты были также подтверждены и многими мета-аналитическими исследованиями [21; 22; 23].

Люди, часто переживающие травматический опыт, также могут быть сверхчувствительными к дискриминации [24; 19]. Имеющиеся ранее травмы могут сделать людей более уязвимыми перед любым проявлением дискрими-

нации, тем самым увеличивая уровень их страданий, что особенно актуально для беженцев.

Психосоциальные факторы, с которыми сталкиваются беженцы в России после миграции, значительно отличаются от реалий развитых западных стран, поэтому стратегии выживания и способы борьбы с неблагоприятными условиями могут отличаться для одной и той же этнической группы в зависимости от страны. Такой феномен в значительной степени зависит от собственных психологических ресурсов индивида, наличия у него социальной поддержки со стороны как собственного этнического сообщества, так и принимающего населения, а также с другими факторами психологической устойчивости, такими как вера и поиск поддержки со стороны высших сил [25; 26].

Исследования, в которых анализировалось влияние веры в существование высших сил, а именно различных форм религиозности на психическое здоровье, показали положительную связь с улучшением психологического и физического благополучия человека. Например, Фернандо [27] обнаружил, что буддийская духовность помогает человеку принять травму и оправиться от нее, найти новый образ жизни, а также способствует лучшей интеграции в более крупное сообщество. Швейцер [25] также обнаружил, что вера в Бога помогла суданским беженцам в Австралии взять под контроль свою жизнь и обрести смысл. Исследование, проведенное в Малайзии, показало, что среди социально изолированных людей старше 60 лет религиозность выступила посредником между социальной изоляцией и психологическим благополучием [28]. Исследование иракских беженцев, проживающих в США, также выявило положительную роль религиозности в психическом здоровье [29].

Однако религиозность не всегда имеет положительное влияние на психологическое и психическое здоровье беженцев. Так, ретроспективное исследование сирийских беженцев не выявило какой-либо существенной корреляции между симптомами депрессии и степенью религиозности [30]. Подобные результаты показывают, что, хотя религиозность в большинстве случаев имеет положительную связь с психологической устойчивостью и более высоким уровнем благополучия, в некоторых случаях данная связь незначима.

Если говорить о беженцах-афганцах, то стоит отметить, что все они так или иначе признают себя людьми религиозными, хотя уровень их религиозности разный, относят себя к исламу, несмотря на то что покидали Афганистан из-за установления в нем нового политического режима, который выражался большим консерватизмом, в том числе в религиозных вопросах [9].

Проводя настоящее исследование, мы предполагаем, что религиозность афганских беженцев выступит фактором, смягчающим негативный эффект воспринимаемой дискриминации на психическое здоровье.

В рамках данного эмпирического исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

Гипотеза 1: Высокий уровень воспринимаемой дискриминации положительно связан с дистрессом.

Гипотеза 2: Положительная связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом модулируется религиозностью. При условии высокой религиозности положительная связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом ослабляется, и, наоборот, при низкой религиозности положительная связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом усиливается.

Материалы и методы эмпирического исследования

Процедура

Было использовано три канала распространения анкет для участников исследования: около 30 анкет мы раздали в центре афганской диаспоры в Москве; еще 20 участников были найдены путем использования метода «снежного кома»; остальные ответы были получены путем распространения анкет в комитете «Гражданское содействие».

При раздаче анкет участникам была дана подробная инструкция, разъяснена цель исследования, даны ответы на возникающие вопросы. Участникам исследования была гарантирована полная анонимность, разъяснены цели исследования и процедура его проведения. Вся информация доводилась участникам на дари двуязычным переводчиком афганского происхождения. Заполнение анкет в среднем занимало 15-20 минут. В качестве вознаграждения каждый респондент, заполнивший анкету в комитете «Гражданское содействие», получил транспортную карту «Тройка» с балансом 200 рублей. Для остальных респондентов участие в анкетировании было безвозмездным.

Исследование было проведено в три этапа:

Первый этап включал перевод анкеты на дари, её адаптацию и доработку. Для этого привлекались билингвальные эксперты иранского и афганского происхождения, свободно говорящие на русском/английском и фарси/дари.

Второй этап заключался в сборе и анализе полученных данных, подробно описанных в следующем подразделе.

Третий этап был связан с проведением полуструктурированных интервью с 5 беженцами и экспертами афганского происхождения. Интервью проводилось для более тщательного изучения конкретных вопросов, например, для большего понимания того, каким образом респонденты воспринимают дискриминацию или какую роль играет религия в повседневных ситуациях и т. д.

Выборка

Всего в исследовании приняло участие 96 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, из них 54 мужчины (56%) и 42 женщины (44%), приехавшие в Россию с 1996 по 2020 год.

Более подробную социально-демографическую информацию см. в таблице 1.

Таблица 1. / Table 1.

Социально-демографическая информация (N = 96) Sociodemographic information (N=96)

		Проценты, %
Возраст	18-44 лет	84
	45-54 лет	12,5
	Старше 55 лет	3,1
Пол	Мужчины	56,3
	Женщины	43,8
Образование	Безграмотный	7,3
	Уровень начального образования	18,8
	Неоконченная/ оконченная средняя школа	34,4
	Окончил колледж/техникум/бакалавриат	32,3
Владение русским языком	Совершенно не владеют	19,78
	Чуть-чуть	36,26
	Немного	24,17
	Достаточно хорошо	15,38
	Очень хорошо	4,4
Занятость	Легальная занятость	12,5
	Нелегальная занятость	17,7
	Безработные	69,8

Год приезда	1996–2005	14,7
	2006–2015	26,5
	2016–2020	53
Легальный статус	Российский паспорт	8,3
	Статус временного убежища	18,8
	Статус беженца	15,6
	Документы рассматриваются в суде	28,1
	Студенческая виза	7,3
	Деловая/бизнес виза	4,2
	Ничего из перечисленного	17,7

Методики

Вопросы для измерения воспринимаемой дискриминации были взяты из анкеты MIRIPS Mutual Intercultural Relations in Plural Societies [31], переведены на дари и адаптированы для афганской выборки. Анкеты включали 5 вопросов, например, «Я считаю, что люди других национальностей ведут себя несправедливо и недоброжелательно по отношению к афганцам». Утверждения респондентов оценивались по пятибалльной шкале, где 1 – абсолютно не согласен, 5 – абсолютно согласен.

Для измерения уровня психологического стресса у афганских респондентов был использован Афганский чек-лист симптомов дистресса, разработанный специально для населения Афганистана, – Afghan Symptom Checklist ASCL [32]. При оценке психического состояния большинство авторов используют шкалы, разработанные и опробованные в «западных» странах. Однако, как показывают исследования, одни и те же психические расстройства могут различаться симптомами и дополнять имеющуюся «западную симптоматику» аутентичными, оригинальными симптомами [33]. В целях данного исследования мы также использовали психологический конструкт, измеряющий дистресс, разработанный специально для афганской выборки, – Афганский чек-лист симптомов дистресса (ASCL) [32]. ASCL – это список из 22 вопросов, в котором утверждения респондентов оцениваются по пятибалльной шкале, где 1 – никогда, 5 – каждый день. Мы бы хотели отметить, что наряду с наиболее привычными симптомами дистресса, такими как бессонница или потеря аппетита, при разработке Афганского чек-листа значимость показали такие симптомы, как ссоры с членами семьи, друзьями и родственниками, избиение

своих детей, избивание себя, Джигар Хун (описывающий симптоматику, связанную со скорбью и глубоким чувством грусти), Асаби (характеризующийся высокой нервной возбудимостью и реактивностью нервных импульсов), Фишар бала (описывающий высокое эмоциональное возбуждение) и Фишар пайин (характеризующий низкую энергию и мотивацию) [32].

Для исследования религиозности использовалась шкала центральности религиозности (CRS) [34]. Этот опросник состоит из 15 вопросов, однако в рамках данного исследования было выбрано только 6 пунктов, где утверждения респондентов оцениваются по пятибалльной шкале (1 – вовсе нет, 5 – очень даже). В нем содержатся такие вопросы, как «Насколько сильно вы верите в существование Бога или некоей божественной силы?» или «Насколько важна для вас личная молитва?»

Социально-демографические переменные включали в себя: возраст, пол, семейное положение, уровень образования, воспринимаемый уровень владения русским и родным языком (дари, пушту), текущая занятость, род занятий в Афганистане и России, текущий доход, год приезда в Россию, статус проживания.

Качественной составляющей исследования стало полуструктурированное интервью с тремя афганскими беженцами и двумя лидерами общин, проведенное с использованием компьютерной программы «ZOOM», поскольку личные встречи были невозможны вследствие установленного карантина³ [35]. Интервью проводилось на русском языке, занимало не более 20 минут, состояло из 16 вопросов, таких как «Чувствуете ли вы, что к вам относятся по-другому из-за вашей национальности?» или «Как вы думаете, что помогает беженцам из вашей страны здесь выжить и жить более-менее нормальной жизнью?»

Для обработки данных и проведения описательной статистики, корреляционного анализа и множественного регрессионного анализа использовалась статистическая программа SPSS Statistics 22.0., для выявления модерационного эффекта использовался плагин PROCESS macro версии 3 для SPSS [35].

Помимо количественного анализа, проведен и качественный анализ интервью. Отдельные части расшифровок интервью представлены в разделе «Дискуссия».

³ Россия объявила о частичной изоляции и были введены карантинные меры в марте 2020 года из-за пандемии Covid 19 (№ 12-УМ от 05.03.2020 «О введении режима повышенной готовности»).

Результаты

Для проверки внутренней надежности и согласованности шкал использован коэффициент альфа Кронбаха. Результаты проверки, а также средние значения по шкалам показаны в таблице 2.

Таблица 2. / Table 2.

Средние и коэффициенты надежности и согласованности шкал
Reliability Scales and descriptive statistics

Переменные	M	SD	min	max	α
Дискриминация	1.9	0.97	1	5	0.84
Дистресс (ASCL)	2.0	0.70	1	5	0.90
Владение русским языком	2.5	1.04	1	5	0.94
Религиозность (CRS)	4.5	0.80	1	5	0.60

Для тестирования первой гипотезы о том, что более высокий уровень воспринимаемой дискриминации положительно связан с дистрессом, был проведен корреляционный анализ

Таблица 3. / Table 3.

Корреляционная матрица
Correlation matrix

Переменные	Дискр.	Дистресс	Русс.	Религ.	Статус	Годы
Воспринимаемая дискриминация	–					
Уровень дистресса	0.21*	–				
Уровень владения русским языком	-0.21*	0.09	–			
Религиозность	0.17	-0.07	-0.18	–		
Легальность статуса	-0.26*	-0.11	0.28**	0.06	–	
Продолжительность жизни в России	-0.32*	-0.09	0.32**	0.01	0.39**	–

Note. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

Корреляционный анализ показал, что воспринимаемая дискриминация значимо позитивно связана с высоким уровнем дистресса ($r = 0.21$, $p < 0.05$). Дополнительно выявлено, что воспринимаемая дискриминация значимо не-

гativamente связана с высоким уровнем владения русским языком ($r = -0.21, p < 0.05$), с продолжительностью жизни в России ($r = -0.32, p < 0.05$) и легальностью статуса ($r = -0.26, p < 0.05$). Кроме того, в результате корреляционного анализа выяснилось, что легальность статуса значимо позитивно связана с высоким уровнем владения русским языком ($r = 0.28, p < 0.01$), продолжительностью жизни в России ($r = 0.39, p < 0.01$).

Для проверки гипотезы о модулирующей роли религиозности во взаимосвязи воспринимаемой дискриминации с дистрессом была проведена оценка модерационного эффекта, результаты которой можно увидеть в таблице 4.

Таблица 4. / Table 4.

**Модерирующая роль религиозности во взаимосвязи
дискриминации и дистресса**
**Moderation effect of religiosity on the relationships between
discrimination and distress**

	Оценка эффекта модерации				Оценки наклона линии регрессии			
Переменные	SE	Estimate	Z	p	SE	Estimate	Z	p
Дискриминация	0.08	0.14	1.83	0.05				
Религиозность	0.32	-0.84	-2.64	0.01				
Дискриминация* Религиозность	0.35	-0.78	-2.25	0.02				
Религиозность Average (средняя)					0.09	0.08	0.93	0.35
Религиозность Low (низкая) (-1SD)					0.19	0.39	1.99	0.05
Религиозность High (высокая) (+1SD)					0.11	-0.23	-2.17	0.03

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что религиозность является значимым модератором во взаимосвязи дискриминации и дистресса ($p = 0.02$).

Визуализация полученных результатов представлена на Рисунке.

Рис. Уровень дискриминации и дистресса при высокой и низкой религиозности
Fig. Discrimination and distress level (ASCL) in accordance to the high or low level of religiosity

Примечание: ASCL – уровень дистресса, Discrimination – уровень дискриминации, Low – низкий уровень религиозности, High – высокий уровень религиозности, Average – средний уровень религиозности.

График на рисунке 1 иллюстрирует связь между Дискриминацией и Дистрессом (ASCL) при высокой Религиозности (+1SD) и при низкой Религиозности (-1SD). Дискриминация положительно связана с Дистрессом (ASCL), когда уровень Религиозности низкий ($p = 0.05$). И напротив, Дискриминация имеет отрицательную связь с Дистрессом (ASCL), когда уровень Религиозности высокий ($p = 0.03$).

Таким образом, выполненный анализ подтверждает гипотезу 2 настоящего исследования.

Результаты интервью

Проведенные интервью подтвердили результаты, полученные нами при статистическом анализе, и способствовали лучшему пониманию результатов социально-психологического опроса трех беженцев и двух лидеров сообществ, проживающих в России более четырех лет. Документы по предоставлению официального статуса беженца трех респондентов находились на рассмотрении суда, тогда как у двоих участников имелся российский паспорт

(смотрите таблицу 5 с социально-демографическими характеристиками респондентов).

Таблица 5. / Table 5.

Социально-демографические данные интервьюируемых респондентов
Interview respondents socio-demographic data

N	Пол	Возраст	Образование	Годы жизни в России	Легальный статус	Профессия
R1	Жен.	21	Средняя школа	4	Документы в суде	Безработный
R2	Жен.	19	Средняя школа	4	Документы в суде	Безработный
R3	Муж.	24	Неоконченное высшее	4	Документы в суде	Работает на рынке
R4	Жен.	32	Средняя школа	14	Росс. паспорт	Работает в центре диаспоры
R5	Муж.	49	Высшее образование	30	Росс. паспорт	Работает в НКО

Дискуссия

В настоящем исследовании выявлена и проанализирована связь между дискриминацией, религиозностью и уровнем дистресса афганских беженцев, проживающих в России. Все выдвинутые в исследовании гипотезы подтвердились, выявлена позитивная связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом, а также модулирующая роль религиозности во взаимосвязи между дискриминацией и дистрессом.

В целом уровень воспринимаемой дискриминации у афганцев, участвовавших в социально-психологическом опросе, оказался ниже среднего уровня, что подтверждает средний балл – 1,97 из 5 возможных. С помощью интервью нам удалось прояснить ситуации, в которых афганцы чувствуют себя дискриминируемыми. Так, например, один из участников интервью (R2) отмечает, что иногда сталкивается с дискриминацией: *«Это иногда случается, но я даже не обращаю на это особого внимания, потому что в этом*

мире есть разные люди». Другой респондент (R5) отмечает дискриминацию в процессе трудоустройства: *«Со мной такое случалось много раз, даже когда я получил статус беженца, меня не брали на работу. Работодатели говорили, что не знакомы с такими документами, им был нужен российский паспорт»*. Здесь важно отметить, что в России зачастую только российский паспорт может обеспечить доступ к легальному рынку труда. Одна из участниц интервью (R1) отметила дискриминацию, с которой она сталкивалась при обращении за медицинской помощью: *«Когда мы с моим отцом пошли в больницу, они нас не приняли, потому что у нас не было документов, подтверждающих статус резидента. Если у человека нет документов, иногда даже скорая помощь просто уезжает, даже когда у человека серьезные симптомы. Это, действительно, больно»*. Кроме того, участница (R1) рассказала, что ее младшая сестра не могла посещать школу в течение двух лет с момента приезда в Россию, несмотря на то что посещение школы гарантируется Конституцией России для каждого ребенка.

Часто дискриминация остается незамеченной на институциональном уровне, поскольку по закону ее нет, но фактически она присутствует практически во всех аспектах жизни беженцев и людей, находящихся в поисках убежища, что и подтверждают полученные нами ответы во время интервью афганцев, проживающих в России. Такой факт может оказывать влияние не только на психологическое здоровье и благополучие, но и на характер дальнейшей аккультурации. Бытовая и институциональная дискриминация может стать толчком выбора маргинализации или сепарации в качестве стратегий аккультурации, а не интеграции [36]. Афганская диаспора в России – довольно сплоченное сообщество [5]. Они стараются поддерживать друг друга, но для успешной интеграции в принимающее общество этого может быть недостаточно.

Несмотря на низкий уровень воспринимаемой дискриминации, выявленный при социально-психологическом опросе, тем не менее его повышение ведет к значительному повышению уровня дистресса у афганских беженцев в России. Полученный результат соответствует результатам исследований, проведенных ранее на группах афганских беженцев в других странах [37].

Как было отмечено выше, настоящим исследованием подтверждена гипотеза о модулирующей роли религиозности во взаимосвязи дискриминации и дистресса.

Иными словами, в настоящем исследовании обнаружено, что высокий уровень религиозности ослабляет позитивную связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом, проявляя себя как буфер в таких отношениях. Тогда как низкий уровень религиозности усиливает позитивную связь между воспринимаемой дискриминацией и дистрессом. То есть религиозность позволяет справиться с негативным влиянием дискриминации на психическое здоровье афганских беженцев в России, выполняя роль своего рода копинг-стратегии, то есть стратегии совладания со стрессом. Ранее в исследованиях отмечалось, что религиозность помогала в адаптации беженцев в новой стране [38]. Например, у сомалийских подростков, живущих в США, был выявлен терапевтический эффект религиозности [39]. Как видно из результатов нашего исследования, религиозность также сыграла важную роль в психическом здоровье афганских беженцев, более того, она проявила себя как буфер, ослабляющий роль дискриминации на дистресс. Важно отметить, что мы использовали шкалу центральности религиозности (CRS) [34], которая больше относилась к духовности респондента, чем к религии как этническому компоненту. Стоит отметить, что религиозность афганцев, участвовавших в настоящем исследовании, находится на довольно высоком уровне, о чем свидетельствует средний балл по шкале центральности религиозности – 4,5 из 5 возможных. Это говорит о том, что духовный аспект религии играет важную роль среди афганских беженцев, проживающих в России, подобно их согражданам, проживающим в других странах [37; 40]. В ранее проведенных исследованиях отмечается, что религиозные ритуалы помогали справиться с тревожностью и другими симптомами дистресса. Участие в коллективных религиозных практиках помогало почувствовать некое единение и социальную поддержку с единоверцами [41; 40; 37].

Проведенные интервью также дополняют картину о религиозности афганцев, проживающих в России. Из интервью стало ясно, что далеко не все афганцы соблюдают все религиозные ритуалы, но тем не менее практически все выделяют важность религиозных праздников и совместных встреч с единоверцами афганского происхождения. Религиозные собрания среди афганцев популярны не только среди мужчин, но и среди женщин. Интервьюируемые афганцы подтвердили, что они часто собираются на разные торжества, как на религиозные, так и на светские. Во время религиозных праздников они, как правило, навещают друг друга и читают Коран. Мечеть во время религиозных праздников посещают не все. Для некоторых опрошенных и их семей религия

играет более значимую роль, чем для других. Так, один из респондентов (R1) пояснил следующее:

«Наша религия и вера в Бога очень важны для нас. Вера помогает нам преодолевать трудности, потому что мы знаем, что так было задумано и Бог с нами».

Таким образом, данное исследование показывает, что духовный аспект религии играет значительную роль в психическом здоровье беженцев и выступает буфером, повышающим психологическую устойчивость афганских беженцев, проживающих в России.

Ограничения исследования и выводы

Поскольку это была первая попытка исследования психического здоровья афганских беженцев в России, мы столкнулись с некоторыми неожиданными трудностями при проведении исследования.

Во-первых, нам пришлось исключить 14% заполненных анкет, поскольку анкеты были сочтены не валидными. В некоторых анкетах респонденты выбирали только утвердительные предложения, несмотря на то что ответы могли противоречить друг другу. Возможно, респонденты не понимали цели исследования и боялись высказаться, задать дополнительные вопросы. Многие участники не понимали, что необходимо ответить на все вопросы. Часть ответов часто пропускалась по причине того, что респонденту не нравился вопрос. Другая возможная причина – это недоверие целям исследования и низкий уровень грамотности.

Второе ограничение заключалось в том, что исследование уязвимых слоев населения, куда входят беженцы, обычно проводится в клинических условиях или с участием социальных работников, которым семьи беженцев доверяют. Так, при раздаче анкет, несмотря на предлагаемое вознаграждение, респондент соглашался заполнять анкету только тогда, когда ее передавал социальный работник афганского происхождения, к которому уже сформировалось доверие.

Кроме того, исследования часто финансируются, что позволяет прибегать к услугам профессиональных переводчиков и социальных работников. В данном исследовании у нас был ограниченный доступ к переводчикам. Значительная часть анкет была роздана респондентам в зале ожидания некоммерческой организации, куда они часто приходили для решения жизненно важных юридических или гуманитарных вопросов, т.е. в их планы заполне-

ние анкеты не входило. Билингвальный социальный работник объяснял им процедуру и цели опросника, но не мог оставаться с респондентами все время, пока они заполняли анкету. Несмотря на это, с каждым участником были проговорены цели и актуальность исследования и важность честности их ответов.

Необходимо отметить, что многие участники выразили озабоченность относительно вопросов о религиозности: некоторые респонденты спрашивали о причине исследования, тогда как другие совсем отказались от участия в исследовании (около 10%), после того как увидели эти вопросы. Велика вероятность того, что такие респонденты не доверяли нам и боялись дальнейшего преследования за данные ответы.

Еще один важный момент заключается в том, что это корреляционное исследование, а не эксперимент, поэтому мы не можем четко отделить причину от следствия или исключить дополнительные переменные и погрешности. Например, ведет ли религиозность к благополучию или, наоборот, благополучие ведет к тому, что люди становятся более религиозными?

Наконец, большинство респондентов (около 70%) были людьми, которые обратились за юридической помощью, но нельзя сказать, что они представляют всю выборку афганских беженцев. Для дальнейших исследований рекомендуется подбор респондентов путем использования иных каналов (на момент проведения данного исследования доступ к другим источникам поиска афганских беженцев был ограничен).

Ценность данного поискового исследования заключается в том, что оно дает представление о существующих психо-социальных проблемах афганских беженцев в России, а также о сложностях, возникающих при исследовании данной популяции. Понимание путей улучшения жизни беженцев в России может помочь в разработке государственной политики и практики для социальных работников и психологов в будущем.

Литература

1. Forced displacement in 2019. *The United Nations High Commissioner for Refugees. Global trends*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (Accessed: 05.04.2020).
2. Afghanistan's refugees: forty years of dispossession, 2017. *Amnesty International*. [Electronic source]. Available at: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/06/afghanistan-refugees-forty-years/> (Accessed: 15.02.2020).

3. Forced Displacement in 2018. *The United Nations High Commissioner for Refugees*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/globaltrends2018/> (Accessed: 15.03.2020).

4. Федеральная служба государственной статистики. Демография, миграция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr4-2.xls (дата обращения: 14.05.2020).

5. Зотова Н. Афганцы в России: дружная и многонациональная диаспора в сто тысяч человек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/5192> (дата обращения: 15.05.2020).

6. World population prospects, 2019. *United Nations Department of Economic and Social Affairs*. [Electronic source]. Available at: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx) (Accessed: 14.02.2021).

7. National Bureau of Statistics and Information. Demographics in 2019-2020. *Adah mla ahsa'eah w m'elwmat*. [Electronic source]. Available at: <https://www.nsia.gov.af:8080/wp-content/uploads/2019/06/%D8%A8%D8%B1-%D8%A2%D9%88%D8%B1%D8%AF-%D9%86%D9%81%D9%88%D8%B3-%D9%86%D9%87%D8%A7%D8%B8%D8%B3%D8%A7%D9%84-98.pdf> (Accessed: 01.03.2021).

8. Chapter one – the state, Article 16 on languages, 1962. *Afghanistan Constitution*. [Electronic source]. Available at: https://web.archive.org/web/20131028065437/http://www.afghan-web.com/politics/current_constitution.html (Accessed: 01.03.2021).

9. Dorronsoro G. Kabul at war (1992–1996): State, ethnicity and social classes. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. 2007. DOI: 10.4000/samaj.212.

10. Как живет афганцам в России. *Би-би-си Россия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4375000/4375925.stm (дата обращения: 10.05.2020).

11. Троицкий К.Е. Деградация института убежища в России и новые антирекорды миграционных служб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://refugee.ru/publications/degradatsiya-instituta-ubezhishha-v-rossii/> (дата обращения: 05.04.2020).

12. Documents in the field of refugee protection in Russia. *The United High Commissioner on Refugees*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/ru/docsrefrf> (Accessed: 15.02.2021).

13. Migrants from Central Asia struggle with documentation in Krasnodar Krai. *Minority rights group*. [Electronic source]. Available at: https://minorityrights.org/wp-content/uploads/2018/09/September-2018_MR_Trends_Report_170x240_WEB_FINAL.pdf (Accessed: 01.03.2021).

14. Mukomel V. Immigration and Russian migration policy: debating the future. *Russian analytical digest*. 2006;7:2–6.

15. Stickley A., Oh H., Koyanagi A., Leinsalu M., Narita Z., Roberts B. et al. Perceived discrimination and psychological distress in nine countries of the former Soviet Union. *International Journal of Social Psychiatry*. 2019;65(2):158–168.

16. Williams D.R., Yu Y., Jackson J.S., Anderson N.B. Racial differences in physical and mental health: Socio-economic status, stress and discrimination. *Journal of health psychology*. 1997;2(3):335–351. DOI: 10.1177/135910539700200305.

17. Silove D., Ventevogel P., & Rees S. The contemporary refugee crisis: an overview of mental health challenges. *World psychiatry*. 2017;16(2):130–139. DOI:10.1002/wps.20438

18. Priebe S., Giacco D., El-Nagib R. Public health aspects of mental health among migrants and refugees: a review of the evidence on mental health care for refugees, asylum seekers and irregular migrants in the WHO European Region. *World Health Organization*. [Electronic source]. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/326308> (Accessed: 15.04.2020).

19. Alemi Q., Stempel C. Discrimination and distress among Afghan refugees in northern California: The moderating role of pre-and post-migration factors. *PloS one*. 2018;13(5):1–19.

20. Hollander A.C., Dal H., Lewis G., Magnusson C., Kirkbride J.B., Dalman C. Refugee migration and risk of schizophrenia and other non-affective psychoses: cohort study of 1.3 million people in Sweden. *BMJ*. 2016;352:i1030. DOI: 10.1136/bmj.i1030

21. Close C., Kouvonen A., Bosqui T., Patel K., O'Reilly D., Donnelly M. The mental health and wellbeing of first generation migrants: a systematic-narrative review of reviews. *Globalization and health*. 2016;12(1):1–13. DOI: 10.1186/s12992-016-0187-3

22. Dapunt J., Kluge U., Heinz A. Risk of psychosis in refugees: a literature review. *Translational psychiatry*. 2017;7(6):e1149. DOI: 10.1038/tp.2017.119

23. Pascoe E.A., Smart Richman L. Perceived discrimination and health: a meta-analytic review. *Psychological bulletin*. 2009;135(4):531–534. DOI: 10.1037/a0016059
24. Chen W., Hall B.J., Ling L., Renzaho A.M. Pre-migration and post-migration factors associated with mental health in humanitarian migrants in Australia and the moderation effect of post-migration stressors: findings from the first wave data of the BNLA cohort study. *The Lancet Psychiatry*. 2017;4(3):218–229. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30032-9
25. Schweitzer R., Melville F., Steel Z., Lacherez P. Trauma, post-migration living difficulties, and social support as predictors of psychological adjustment in resettled Sudanese refugees. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2006;40(2):179–187. DOI: 10.1111/j.1440-1614.2006.01766.x.
26. Bonanno G.A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? *American psychologist*. 2004;59(1):20–28. DOI: 10.1037/0003-066x.59.1.20
27. Fernando C. & Ferrari M. Spirituality and resilience in children of war in Sri Lanka. *Journal of Spirituality in Mental Health*. 2011;13(1):52–77.
28. Abolfathi Momtaz Y., Hamid T.A., Ibrahim R., Yahaya N. & Tyng Chai S. Moderating effect of religiosity on the relationship between social isolation and psychological well-being. *Mental Health, Religion & Culture*. 2011;14(2):141–156. DOI: 10.1080/13674676.2010.497963
29. Shoeb M., Weinstein H.M., Halpern J. Living in religious time and space: Iraqi refugees in Dearborn, Michigan. *Journal of Refugee Studies*. 2007;20(3):441–460.
30. Naja W.J., Aoun M.P., El Khoury E.L., Abdallah F.J.B., Haddad R.S. Prevalence of depression in Syrian refugees and the influence of religiosity. *Comprehensive psychiatry*. 2016;68:78–85.
31. Berry J.W. Intercultural relations in plural societies. *Canadian Psychology/ Psychologie Canadienne*. 1999;40(1):12. DOI:10.1017/9781316875032.019
32. Miller K.E., Omidian P., Quraishy A.S., Quraishy N., Nasiry M.N., Nasiry S. et al. The Afghan symptom checklist: a culturally grounded approach to mental health assessment in a conflict zone. *American journal of orthopsychiatry*. 2006;76(4):423–433. DOI: 10.1037/0002-9432.76.4.423.
33. Kirmayer L.J., Rousseau C., Eric Jarvis G., Guzder J. The cultural context of clinical assessment. *Psychiatry*. 2015;1:56–70.

34. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*. 2012;3(3):710–724.

35. Hayes A.F. *PROCESS: A versatile computational tool for observed variable mediation, moderation, and conditional process modeling*. [Electronic source]. Available at: https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=A+versatile+computational+tool+for+observed+variable+mediation%2C+moderation%2C+and+conditional+process+modeling&btnG= (Accessed: 15.03.2020).

36. Rudmin F.W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration and marginalization. *Review of general psychology*. 2003;7(1):3–37.

37. Alemi Q., James S., Siddiq H., Montgomery S. Correlates and predictors of psychological distress among Afghan refugees in San Diego County. *International journal of culture and mental health*. 2015;8(3):274–288. DOI: 10.1080/17542863.2015.1006647

38. Ross K., Handal P.J., Clark E.M., Vander Wal J.S. The relationship between religion and religious coping: Religious coping as a moderator between religion and adjustment. *Journal of religion and health*. 2009;48(4):454–467. DOI: 10.1007/s10943-008-9199-5

39. Ellis B.H., Lincoln A.K., Charney M.E., Ford-Paz R., Benson M., Strunin L. Mental health service utilization of Somali adolescents: Religion, community, and school as gateways to healing. *Transcultural psychiatry*. 2010;47(5):789–811. DOI: 10.1177/1363461510379933

40. Sulaiman-Hill C.M.R., Thompson S.C. «Thinking Too Much»: Psychological distress, sources of stress and coping strategies of resettled Afghan and Kurdish refugees. *Journal of Muslim Mental Health*. 2012;6(2). DOI: 10.3998/jmmh.10381607.0006.205

41. De Anstiss H., Ziaian T. Mental health help-seeking and refugee adolescents: Qualitative findings from a mixed-methods investigation. *Australian Psychologist*. 2010;45(1):29–37.

References

1. Forced displacement in 2019. *The United Nations High Commissioner for Refugees. Global trends*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/figures-at-a-glance.html> (Accessed: 05.04.2020).

2. Afghanistan's refugees: forty years of dispossession, 2017. *Amnesty International*. [Electronic source]. Available at: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2019/06/afghanistan-refugees-forty-years/> (Accessed: 15.02.2020).
3. Forced Displacement in 2018. *The United Nations High Commissioner for Refugees*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/globaltrends2018/> (Accessed: 15.03.2020).
4. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Demogratiya, migratsiya* [Federal State Statistics Service. Demography/migration]. [Electronic source]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr4-2.xls (Accessed: 14.05.2020). (In Russian)
5. Zotova N. *Afgantsy v Rossii: druzhnaya i mnogonatsional'naya diaspora v sto tysyach chelovek* [Afghans in Russia: Friendly and multinational diaspora of one hundred thousand people]. [Electronic source]. Available at: <https://www.fergananews.com/articles/5192> (Accessed 15.05.2020). (In Russian)
6. World population prospects, 2019. *United Nations Department of Economic and Social Affairs*. [Electronic source]. Available at: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_Population/WPP2019_POP_F01_1_TOTAL_POPULATION_BOTH_SEXES.xlsx) (Accessed: 14.02.2021).
7. National Bureau of Statistics and Information. Demographics in 2019-2020. *Adah mla ahsa'eah w m'elwmat*. [Electronic source]. Available at: <https://www.nsia.gov.af:8080/wp-content/uploads/2019/06/%D8%A8%D8%B1-%D8%A2%D9%88%D8%B1%D8%AF-%D9%86%D9%81%D9%88%D8%B3-%D9%86%D9%87%D8%A7%D8%B8%D8%B3%D8%A7%D9%84-98.pdf> (Accessed: 01.03.2021). (In Dari)
8. Chapter one – the state, Article 16 on languages, 1962. *Afghanistan Constitution*. [Electronic source]. Available at: https://web.archive.org/web/20131028065437/http://www.afghan-web.com/politics/current_constitution.html (Accessed: 01.03.2021).
9. Dorronsoro G. Kabul at war (1992–1996): State, ethnicity and social classes. *South Asia Multidisciplinary Academic Journal*. 2007. DOI: 10.4000/samaj.212
10. *Kak zhivetsya afgantsam v Rossii* [Life of Afghans in Russia]. *BBC Rossiya* [BBC Russia]. [Electronic source]. Available at: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_4375000/4375925.stm (Accessed: 10.05.2020). (In Russian)

11. Troitsky K.E. *Degradatsiya instituta ubezshishcha v Rossii i novye antirekordy migratsionnykh sluzhb: statistika 2017 goda i ee kratkaya analitika* [Degradation of the institution of asylum providing in Russia and new anti-records of migration services: statistics for 2017 and its brief analytics]. [Electronic source]. Available at: <https://refugee.ru/publications/degradatsiya-instituta-ubezhishha-v-rossii/> (Accessed: 05.04.2020). (In Russian)

12. Documents in the field of refugee protection in Russia. *The United High Commissioner on Refugees*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unhcr.org/ru/docsrefr/> (Accessed: 15.02.2021).

13. Migrants from Central Asia struggle with documentation in Krasnodar Krai. *Minority rights group*. [Electronic source]. Available at: https://minorityrights.org/wp-content/uploads/2018/09/September-2018_MR_Trends_Report_170x240_WEB_FINAL.pdf (Accessed: 01.03.2021).

14. Mukomel V. Immigration and Russian migration policy: debating the future. *Russian analytical digest*. 2006;7:2–6.

15. Stickley A., Oh H., Koyanagi A., Leinsalu M., Narita Z., Roberts B. et al. Perceived discrimination and psychological distress in nine countries of the former Soviet Union. *International Journal of Social Psychiatry*. 2019;65(2):158–168.

16. Williams D.R., Yu Y., Jackson J.S., Anderson N.B. Racial differences in physical and mental health: Socio-economic status, stress and discrimination. *Journal of health psychology*. 1997;2(3):335–351. DOI: 10.1177/135910539700200305

17. Silove D., Ventevogel P. & Rees S. The contemporary refugee crisis: an overview of mental health challenges. *World psychiatry*. 2017;16(2):130–139. DOI:10.1002/wps.20438

18. Priebe S., Giacco D., El-Nagib R. Public health aspects of mental health among migrants and refugees: a review of the evidence on mental health care for refugees, asylum seekers and irregular migrants in the WHO European Region. *World Health Organization*. [Electronic source]. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/326308> (Accessed: 15.04.2020).

19. Alemi Q., Stempel C. Discrimination and distress among Afghan refugees in Northern California: The moderating role of pre-and post-migration factors. *PloS one*. 2018;13(5):1–19.

20. Hollander A.C., Dal H., Lewis G., Magnusson C., Kirkbride J.B., Dalman C. Refugee migration and risk of schizophrenia and other non-affective psychoses: cohort study of 1.3 million people in Sweden. *BMJ*. 2016;352:i1030. DOI: 10.1136/bmj.i1030

21. Close C., Kouvonen A., Bosqui T., Patel K., O'Reilly D., Donnelly M. The mental health and wellbeing of first generation migrants: a systematic-narrative review of reviews. *Globalization and health*. 2016;12(1):1–13. DOI: 10.1186/s12992-016-0187-3
22. Dapunt J., Kluge U., Heinz A. Risk of psychosis in refugees: a literature review. *Translational psychiatry*. 2017;7(6):e1149. DOI: 10.1038/tp.2017.119
23. Pascoe E. A., Smart Richman L. Perceived discrimination and health: a meta-analytic review. *Psychological bulletin*. 2009;135(4):531–534. DOI: 10.1037/a0016059
24. Chen W., Hall B. J., Ling L., Renzaho A. M. Pre-migration and post-migration factors associated with mental health in humanitarian migrants in Australia and the moderation effect of post-migration stressors: findings from the first wave data of the BNLA cohort study. *The Lancet Psychiatry*. 2017;4(3):218–229. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30032-9
25. Schweitzer R., Melville F., Steel Z., Lacherez P. Trauma, post-migration living difficulties, and social support as predictors of psychological adjustment in resettled Sudanese refugees. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2006;40(2):179–187. DOI: 10.1111/j.1440-1614.2006.01766.x.
26. Bonanno G.A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? *American psychologist*. 2004;59(1):20–28. DOI: 10.1037/0003-066x.59.1.20
27. Fernando C. & Ferrari M. Spirituality and resilience in children of war in Sri Lanka. *Journal of Spirituality in Mental Health*. 2011;13(1):52–77.
28. Abolfathi Momtaz Y., Hamid, T.A., Ibrahim R., Yahaya N. & Tyng Chai S. Moderating effect of religiosity on the relationship between social isolation and psychological well-being. *Mental Health, Religion & Culture*. 2011;14(2):141–156. DOI: 10.1080/13674676.2010.497963
29. Shoeb M., Weinstein H.M., Halpern J. Living in religious time and space: Iraqi refugees in Dearborn, Michigan. *Journal of Refugee Studies*. 2007;20(3):441–460.
30. Naja W.J., Aoun M.P., El Khoury E.L., Abdallah F.J.B., Haddad R.S. Prevalence of depression in Syrian refugees and the influence of religiosity. *Comprehensive psychiatry*. 2016;68:78–85.
31. Berry J.W. Intercultural relations in plural societies. *Canadian Psychology/ Psychologie Canadienne*. 1999;40(1):12. DOI:10.1017/9781316875032.019

32. Miller K.E., Omidian P., Quraishy A.S., Quraishy N., Nasiry M.N., Nasiry S. et al. The Afghan symptom checklist: a culturally grounded approach to mental health assessment in a conflict zone. *American journal of orthopsychiatry*. 2006;76(4):423–433. DOI: 10.1037/0002-9432.76.4.423.
33. Kirmayer L.J., Rousseau C., Eric Jarvis G., Guzder J. The cultural context of clinical assessment. *Psychiatry*. 2015;1:56–70.
34. Huber S., Huber O.W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*. 2012;3(3):710–724.
35. Hayes A.F. *PROCESS: A versatile computational tool for observed variable mediation, moderation, and conditional process modeling*. [Electronic source]. Available at: https://scholar.google.com/scholar?hl=ru&as_sdt=0%2C5&q=A+versatile+computational+tool+for+observed+variable+mediation%2C+moderation%2C+and+conditional+process+modeling&btnG= (Accessed: 15.03.2020).
36. Rudmin F.W. Critical history of the acculturation psychology of assimilation, separation, integration and marginalization. *Review of general psychology*. 2003;7(1):3–37.
37. Alemi Q., James S., Siddiq H., Montgomery S. Correlates and predictors of psychological distress among Afghan refugees in San Diego County. *International journal of culture and mental health*. 2015;8(3):274–288. DOI: 10.1080/17542863.2015.1006647
38. Ross K., Handal P.J., Clark E.M., Vander Wal J.S. The relationship between religion and religious coping: Religious coping as a moderator between religion and adjustment. *Journal of religion and health*. 2009;48(4):454–467. DOI: 10.1007/s10943-008-9199-5
39. Ellis B.H., Lincoln A.K., Charney M.E., Ford-Paz R., Benson M., Strunin L. Mental health service utilization of Somali adolescents: Religion, community, and school as gateways to healing. *Transcultural psychiatry*. 2010;47(5):789–811. DOI: 10.1177/1363461510379933
40. Sulaiman-Hill C.M.R., Thompson S.C. “Thinking Too Much”: Psychological distress, sources of stress and coping strategies of resettled Afghan and Kurdish refugees. *Journal of Muslim Mental Health*. 2012;6(2). DOI: 10.3998/jmmh.10381607.0006.205
41. De Anstiss H., Ziaian T. Mental health help-seeking and refugee adolescents: Qualitative findings from a mixed-methods investigation. *Australian Psychologist*. 2010;45(1):29–37.

Информация об авторах

Заремба-Пайк Светлана Салаватовна, психолог, магистр психологии Национального исследовательского Университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

Лепшокова Зарина Хизировна, психолог, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация.

About the authors

Svetlana S. Zaremba-Pike, Psychologist, Master in Social Psychology, Higher School of Economics National Research University, Moscow, the Russian Federation.

Zarina Kh. Lepshokova, Psychologist, Lead Researcher for the Centre of Sociocultural Research, Higher School of Economics National Research University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20 декабря 2020

Одобрена рецензентами: 18 января 2021

Принята к публикации: 02 февраля 2021

Article info

Received: December 20, 2020

Reviewed: January 18, 2021

Accepted: February 02, 2021